

Научная статья

УДК 142.72

doi: 10.17223/1998863X/85/12

ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТВОРЧЕСТВО, ОСОЗНАННОСТЬ, ЛЮБОВЬ

Екатерина Борисовна Хитрук¹, Роман Александрович Быков²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *lubomudreg@gmail.com*

² *nimai.bykov@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию норм и практик вовлеченного отцовства в современном российском обществе. В статье представлены результаты качественно-социологического исследования отцов (на основе нарративных интервью и фокус-группы). В статье делается вывод о важности социальной поддержки вовлеченного отцовства на уровне политических инициатив и просветительских мероприятий.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченное отцовство, хороший отец, нормы отцовства, отцовские практики

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

Для цитирования: Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Вовлеченное отцовство в современном российском обществе: творчество, осознанность, любовь // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 139–151. doi: 10.17223/1998863X/85/12

Original article

ENGAGED FATHERHOOD IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: CREATIVITY, MINDFULNESS, LOVE

Ekaterina B. Khitruk¹, Roman A. Bykov²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *lubomudreg@gmail.com*

² *nimai.bykov@gmail.com*

Abstract. The article discusses the study of the norms and practices of engaged fatherhood in contemporary Russian society. It draws on the works of foreign and domestic scholars, as well as the authors' own socio-philosophical perspective on fatherhood as a social phenomenon. The article presents the findings of a qualitative sociological research on fathers, based on narrative interviews and focus group discussion. The aim of the study was to practically test the previously formulated theoretical and methodological guidelines in relation to Russian social realities. It seems that in the future, such a study should contribute to a better understanding of what measures of social support are needed to promote the trend of engaged fatherhood in the Russian Federation. Creativity (or "reinvention of fatherhood"), awareness (fathers' reflexive and independent approach to shaping their paternal identity),

and love (“courage to love”) are identified as key factors in the development of engaged fathering practices in contemporary Russia. The article concludes that social support for engaged fatherhood is important at the level of political initiatives and educational events.

Keywords: fatherhood, engaged fatherhood, good father, fatherhood, fathering

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

For citation: Khitruk, E.B. & Bykov, R.A. (2025) Engaged fatherhood in modern Russian society: creativity, mindfulness, love. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 139–151. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/85/12

Вовлеченное отцовство – это концепт, ставший популярным в социальных науках в контексте исследования отцовских норм (fatherhood) и практик (fathering) в течение последних четырех десятилетий [1. С. 178]. Вовлеченное отцовство означает исторически новую форму мужского генеративного поведения, которая постепенно проявляется на фоне таких сложных социальных тенденций, как преодоление традиционного семейного уклада и «потеря отца» в современном обществе [2–6]. Вовлеченное отцовство характеризуется значительно большим (в сравнении с прошлыми эпохами) вниманием мужчин к собственной отцовской идентичности, осознанностью в выстраивании ответственных и эмоционально теплых отношений со своими детьми, решимостью разделять с матерью детей не только внешние обязанности, заботы о семье, но и обязанности по уходу за детьми, непосредственно в семье [7]. Некоторые исследователи подчеркивают, что вовлеченное отцовство представляет собой не только одну из множества форм отцовства, проявившуюся особенно явно во второй половине XX – начале XXI в., но и совершенно особый этап в развитии семьи и общества в целом, этап, действительное социальное значение которого может быть обозначено термином «отцовская революция» [8. С. 271; 9. С. 130–135].

В наших прошлых работах мы предложили в качестве одного из продуктивных методологических подходов к изучению данного феномена социально-философскую стратегию [10, 11]. Суть данной стратегии заключается в рассмотрении «отцовской революции» не только в контексте социокультурных изменений, связанных с кризисом маскулинности, плюрализацией мужских и женских социальных практик, трансформацией института семьи, но и, более глубоко, в контексте постметафизического мышления, связанного с преодолением традиционного бинаризма и эссенциализма в осмыслении мира и человека, а также мужского и женского начал (и, как следствие, отцовства и материнства) в философии XX столетия. Мужское и женское благодаря эрозии метафизики [12. С. 104] и общему антиэссенциалистскому настрою [13. С. 111] философии XX столетия смогли «выйти» за рамки классической бинарной схемы, предписывавшей авторитарность, сверхчувственность («безэмоциональность»), трансцендентность (ориентированность на внешнюю самореализацию) мужской и, соответственно, отцовской социальной роли [14. С. 299, 305]. Это фундаментальное «высвобождение» мужественности в философской перспективе должно рассматриваться как одна из ключевых причин (наряду с социокультурными и экономическими причинами) той фундаментальной трансформации института отцовства, которую наблюдают и исследуют ученые в социальных науках сегодня [15].

Благодаря применению указанной социально-философской стратегии нами были выявлены и обозначены в качестве ключевых маркеров исследования вовлеченного отцовства следующие категории – «изобретение отцовства» и «мужество любить» [10]. «„Изобретение“ – поскольку современные трансформации отцовства связаны с появлением, нормализацией и легитимацией исторически новых форм ответственного и вовлеченного отцовства. Эти новые формы все еще находятся в процессе становления и, в конечном счете, зависят от того, насколько свободными, творческими и решительными окажутся сами мужчины, созидающие их... „Мужество любить“ – поскольку именно любовь оказывается тем „водоразделом“, который обозначает собой границу между отстраненными и авторитарными формами отцовства, с одной стороны, и вовлеченными и ответственными – с другой» [10. С. 175–176].

Необходимо отметить, что данные маркеры вполне коррелируют как с классическими и современными зарубежными исследованиями вовлеченного отцовства, так и с аналогичными исследованиями российского общества.

1. К классическим исследованиям мы относим, прежде всего, концепцию отцовской вовлеченности (the construct of paternal involvement), предложенную в 1980-х гг. такими учеными, как Джозеф Плек, Майкл Лэмб, Джеймс Левайн и Эрик Чарнов [16–18]. Указанные исследователи выделяли в качестве ключевых компонентов вовлеченного отцовства **включенность** (прямое взаимодействие с ребенком в процессе ухода, игры и т.п.), **доступность** отца для ребенка в те моменты, когда ребенок действительно в нем нуждается, и **ответственность** (обеспечение заботы о ребенке, предоставление ребенку разнообразных ресурсов, способствующих его благополучию) [19. Р. 243]. Позднее к этим трем компонентам был добавлен еще один – **эмоциональная теплота и отзывчивость** [20]. Таким образом, развитие классической концепции отцовской вовлеченности привело к осознанию того факта, что положительный эффект новых практик ответственного (вовлеченного) отцовства связан не столько с ответственным выполнением родительских обязанностей и большими в сравнении с предшествовавшими эпохами временными затратами, сколько с эмоциональной открытостью и преодолением традиционного представления о «безэмоциональном» отце. Сам Джозеф Плек в статье 2012 г., анализируя итоги развития концепции отцовской вовлеченности, отмечает, что исследования сделали очевидным тот факт, что само по себе время, проведенное отцами с детьми, не оказывает ощутимо положительного влияния на развитие последних. При этом сочетание ответственности, взаимодействия и эмоциональной теплоты оказывает положительный эффект как непосредственно на детей, так и на матерей, и на самих отцов [19. Р. 249].

2. Определяющее значение эмоциональной теплоты в процессе взаимодействия между отцом и ребенком формулируется с еще большей очевидностью в контексте современных зарубежных исследований новых моделей мужского генеративного поведения. В этой связи отдельного внимания заслуживают концепции «заботливой маскулинности» Карлы Эллиотт и «отцовской любви» Александры Махт.

Карла Эллиотт, отталкиваясь от критической теории маскулинности и феминистской теории заботы [21. Р. 241], формулирует собственную концепцию заботливой маскулинности, которая определяет неприятие доминирования, положительные эмоции и переживание взаимозависимости в качестве

необходимых компонентов мужской идентичности нового образца. Становление такого рода идентичности происходит, по убеждению К. Элиотт, практическим путем через осознание того факта, что уход (забота), в том числе и особенно уход за маленькими детьми, является не «женской работой» [21. Р. 253], но общечеловеческой необходимостью. Без этой «работы» человечество не может выжить и в этой перспективе все люди являются существами взаимозависимыми, в определенные периоды своей жизни нуждающимися в уходе (заботе) и способными его осуществлять по отношению к другим. Забота – это не «женская роль», а общечеловеческая задача. Дефеминизация заботы, с точки зрения К. Элиотт, способствует фактической трансформации мужских социальных практик и в том числе практик отцовства. В результате этого сложного процесса мужчины обретают уважение, основанное не на «страхе» и «доминировании», но на любви, формирующейся практическим путем – в результате практик заботы [21. Р. 253].

Александра Махт идет, пожалуй, еще дальше в плане описания значимости эмоциональной теплоты в отношениях между детьми и их отцами. В первую очередь, А. Махт обращает внимание на то, что применение в отцовских исследованиях концепта «эмоциональная теплота» вместо понятия «любовь» не является случайным. В действительности «любовь» является феминизированной эмоцией и в дискурсе социальном, и в дискурсе собственно научном, в том числе социологическом. Именно поэтому и в общественных дискуссиях, и в социологических исследованиях принято рассуждать о «романтической любви» или «любви материнской», но «отцовская любовь» до последнего времени представляла собой недопустимый («антинаучный») оксюморон. А. Махт называет такой подход «социологически близоруким» [22. Р. 13]. До тех пор, пока любовь в социологической перспективе не будет дефеминизирована, считает А. Махт, концепция отцовской вовлеченности продолжит тяготеть в сторону классического эссенциального дискурса – дискурса доминирования. Только освобождение научного подхода от оптики доминирования (в данном случае от фемининных коннотаций любви) способно приблизиться к пониманию новой реальности, воплощающейся в современных практиках вовлеченного отцовства. Отцовство, рассуждает А. Махт, не является социальной ролью в традиционном значении того образа, который человек принимает и транслирует в неизменном виде в течение всей своей жизни. Отцовство – это сложный процесс «делания» или «становления», в котором реализуется мужская эмоциональность, дрейфующая от власти (доминирования) к любви и обратно [22. Р. 19, 146]. Все большая открытость к любви и постепенное дистанцирование от доминирования и определяют собой современное вовлеченное отцовство. Но чтобы исследовать этот феномен во всем его комплексном значении, нужно принять «отцовскую любовь» всерьез, включить ее в социологический дискурс, а точнее, прекратить неоправданно исключать ее из него.

3. Российские исследователи также обращаются к изучению феномена вовлеченного отцовства [2, 23–30], фиксируя при этом двоякую ситуацию. С одной стороны, в российском обществе обнаруживается та же общемировая тенденция плюрализации мужских и, в частности, отцовских практик с преобладающим «сдвигом» в сторону вовлеченного отцовства [31. С. 104]. Институт отцовства, по выражению выдающегося российского социолога

Елены Рождественской, «испытывает особенно радикальные преобразования» [7. С. 170]. В результате этих преобразований можно говорить о значительно большей осознанности и вовлеченности мужчин в процесс воспитания детей. В целом отцовство становится более «горизонтальным» [7. С. 164]. Однако специфика российского социального контекста связана с сохранением и поддержкой традиционного нарратива маскулинности как воплощения контроля, дистанцированности, материального обеспечения семьи в первую очередь. Поэтому фактически российские мужчины находятся в сложном положении противоречивого «культурного микса» [32. С. 92], получая прямо противоположные друг другу социальные сигналы. Так, например, российский социолог Ирина Шевченко фиксирует в своей работе следующий парадокс: «отцов ждут, чтобы они одновременно обеспечивали семью и много времени уделяли ребенку и жене, а это почти невозможно физически» [33. С. 119]. Противоречивые сигналы способствуют, однако, большей рефлексивности и, как следствие, формированию собственного (творческого) подхода к отцовству у значительной части российских мужчин. Так, например, российские исследователи Ольга Безрукова и Валентина Самойлова отмечают, что именно у отцов с «собственным сценарием» отцовского поведения формируется положительное отношение к таким аспектам отцовства, как любовь к детям и радость от общения и любви ребенка [31. С. 99]. Поэтому сама по себе ситуация «культурного микса» может выступать и фактически в определенном отношении уже выступает стимулом к преодолению традиционных эссенциальных рамок отцовства, обретению новой перспективы, важным аспектом которой является осознание значимости любви между отцами и их детьми.

Таким образом, методологической основой нашего изучения норм и практик вовлеченного отцовства в современном российском обществе выступает базирующееся на зарубежных и российских исследованиях представление о том, что ключевыми маркерами развития феномена вовлеченного отцовства являются 1) осознанное (рефлексивное, свободное) отношение мужчин к формированию собственной отцовской идентичности, 2) «изобретение отцовства», т.е. творческое и свободное (не ориентированное на воспроизведение родительского сценария или исключительно на реализацию уже существующих социальных норм) созидание новых форм отцовских практик и 3) «мужество любить», т.е. реализующееся на практике вопреки традиционным стереотипам о «безэмоциональной» маскулинности мужество проявлять эмоциональную открытость и теплоту в общении и взаимодействии с детьми и другими членами семьи.

Цель нашего исследования, соответственно, заключается в практической апробации указанных теоретико-методологических установок применительно к российским социальным реалиям, что в перспективе должно способствовать лучшему пониманию того, какие именно меры социальной поддержки необходимы для продвижения тенденции вовлеченного отцовства в Российской Федерации.

Методика исследования

Исследование было реализовано с применением качественной стратегии в декабре 2024 – январе 2025 г. на базе НИ ТГУ (г. Томск). Основу эмпириче-

ской базы исследования составили нарративные и полуструктурированные интервью с отцами разного возраста. Важным при отборе был их персональный опыт отцовства. При использовании неслучайной целевой выборки учитывались дополнительные основания отбора, так как важно было опросить отцов с разным количеством детей, наличием супруги, в предразводном состоянии, в разводе, в повторном браке, наличием детей из других браков, разной профессиональной деятельностью, статуса, дохода. Всего было опрошено 27 респондентов. После фиксации в последних 8 интервью повторов и «плотного насыщения» сбор интервью был прекращен. Важно отметить, что в начале встречи респондентам давался нарративный импульс и только после свободного описания отцом собственной семейной жизни задавались открытые уточняющие вопросы. Также была проведена фокус-группа с отцами примерно одного возраста (11 человек). Необходимость групповой динамики была продиктована идеей о важности наблюдения за тем, как отцы в «живой» дискуссии будут, убеждая друг друга, конструировать собственные значимые ценности, образы, практики отцовства. Вопросы в целом были направлены на выявление смыслов мужественности, отцовства, «правильного», «хорошего» и «плохого» отца, вовлеченного отца, изучение важности проявления эмоций внутри семьи, общения с детьми, событий, влияющих на отцовство в процессе социализации, а также попытки проверить выдвигаемые тезисы в живом обсуждении с респондентами (авторская методика). Помимо обычных сложностей рекрутинга респондентов, имеющих высокую загруженность, трудности исследования были связаны с тем, что обсуждение темы вовлеченного отцовства требует богатого опыта повседневной рефлексии, в то время как в своей обычной жизни лишь немногие отцы имеют такой опыт. Тем не менее интервью проходили насыщенно, и отцы в большинстве случаев с интересом обсуждали предлагаемые вопросы.

Основные результаты

Исследование продемонстрировало целый ряд значимых результатов.

1. Отсутствие в родительской семье респондентов такого значимого компонента, как подготовка к исполнению в будущем отцовской роли. Респонденты говорили об отсутствии в их семье и их воспитании другими агентами социализации рассказов об отцовстве, «наставлений» («вырастешь, будешь отцом», как быть «хорошим отцом» и т.п.). Это обстоятельство, по мысли авторов, свидетельствует о фундаментальных проблемах отцовства, его осмысления на данном этапе истории, что, возможно, подтверждает идею о вынужденной персональной сборке собственной идентичности родителя посредством выбора соответствующих практик. Большинство респондентов считают, что наличие положительного примера в детстве, «настройки», воспитания в этом ключе облегчило бы им принятие отцовской роли в будущем. Таким образом, каждый отец вынужден взять на себя ответственность за выбор, как и насколько быть отцом, поскольку разрушены или не транслируются образцы, или они устарели и не устраивают современную молодую семью.

2. Отцовство воспринимается респондентами не как данность (факт), а как значимая социальная задача, требующая осознанности и приложения усилий. Отцовство в сознании респондентов – это серьезный жизненный выбор, который должен быть взвешен и отрефлексирован, это активное действие, а не

биологический или социальный факт. Отцы рассуждали об отцовских обязанностях, важности приложения усилий при воспитании и поддержке детей и всей семьи, необходимости тратить время, осуществляя заботу.

3. Исследование позволило также выявить характеристики «хорошего отца» в представлении респондентов. Хороший отец *«должен проводить время с детьми, играть, интересоваться их жизнью, участвовать в их делах»*, *«жить по своим ценностям, быть честным, ответственным, демонстрировать силу и мужество»*, *«проявлять эмоциональную вовлеченность, давать тепло, быть рядом в трудные моменты»*, *«помогать взрослеть, учить справляться с трудностями, развивать самостоятельность»*, *«быть строгим, когда нужно, но не травмировать психику ребенка»*, *«обеспечить семью материально, создать спокойную и счастливую атмосферу»* (из интервью). Таким образом, хороший отец обладает важными нравственными качествами, является примером для детей, вовлечен в семейную жизнь, создает атмосферу, в которой безопасно, обеспечивает семью, задает нормы поведения и ценности, поддерживает и дарит любовь. Многие отцы говорят, что общество ждет от них максимальной вовлеченности. В сознании некоторых из них это объективно не представляется возможным, так как отцы загружены, устают и не могут много времени проводить с детьми. Важным представляется то, что отцы говорят о своей готовности и значимости для них быть вовлеченным и хорошим отцом. Большинство отцов считает себя вовлеченными или старается быть такими. Есть те, кто критически относится к своему родительству, замечают, что могли бы быть более вовлеченными.

4. Выявлены и характеристики «плохих отцов». Таковыми респонденты признают отцов с низкой степенью вовлеченности в процесс воспитания детей. К причинам данного феномена респонденты относят эгоизм, безответственность, незрелость, нежелание брать на себя ответственность, неумение выстраивать отношения, наличие вредных привычек (алкоголизм), отсутствие любви и тепла в их жизни, депрессию, низкую самооценку. Плохие отцы в интервью описывались следующим образом: *«неготовность и нежелание быть отцом, несмотря на необходимость»*, *«использование детей для собственного утешения»*, *«нездоровые отношения с детьми из-за собственной незрелости»*, *«лицемерие: говорят о хорошем отцовстве, но не участвуют в жизни детей»*, *«спектр от неопытности до полной безответственности»* (из интервью). Респондент с сильной религиозной идентичностью описал отцовство таким образом: *«плохой отец – тот, кто не знает, куда вести семью, я про духовный смысл, предназначение человека»* (из интервью, М., 45 л.). «Плохой отец» – это человек, который мог бы быть хорошим, он является дееспособным и живет вместе с семьей. Однако эгоизм, безразличие, слабое погружение в мир ребенка, педагогическая некомпетентность и отсутствие решимости принимать, любить и брать ответственность оставляют для него такую возможность не востребованной. Это отец, по мнению ряда респондентов, эмоционально недоступный, отстраненный. Он не проявляет любовь и заботу, ограничен в эмоциональном взаимодействии или не способен выражать чувства.

5. Исследование выявило основные факторы, с точки зрения респондентов, оказавшие определяющее влияние на формирование их представления об отцовской роли в семье. Можно выделить в этой перспективе три группы от-

цов: во-первых, это респонденты, у которых был яркий пример, собственный отец, полная семья (при этом влияние отца оценивается как положительно, так и отрицательно), во-вторых, это респонденты, которые довольно рано столкнулись с необходимостью самостоятельно искать ориентиры и положительные примеры в силу отсутствия отца в их собственной семье. Такими примерами в их жизни стали педагоги, тренеры, герои любимых книг. В-третьих, это респонденты, на которых глубокое влияние оказал собственный личный опыт отцовства, процесс осмысления своей новой роли и принятия ответственности после рождения детей. Таким образом, если описывать все внешние по отношению к сознанию респондентов факторы, повлиявшие на представление об отцовстве, то следует выделить примеры своей семьи, родственников (например, дедушки), окружения (например, отцы друзей), самостоятельное изучение вопроса, работа и опыт внутри своей семьи, яркие личности, учителя, тренеры, религиозные представления о правильном поведении мужчины и отца, а также образы, сформированные в искусстве и СМК.

6. Выявлено, что одним из значимых маркеров трансформации отцовства является феномен «безэмоциональной маскулинности», который предполагает неготовность или неспособность проявлять эмоции не только вне, но и внутри собственной семьи. Данный феномен оказался характерным для части респондентов, особенно старшего возраста. Респонденты в целом говорят о важности проявления своих чувств, но далеко не все из них в действительности считают самих себя открытыми и эмоциональными. Свое собственное поведение респонденты зачастую связывают с установкой на эмоциональную сдержанность и контроль по отношению к проявлениям чувств. Это может быть также связано, по мнению опрошенных, с важностью фокусировки на действиях, а не на эмоциях, частичной открытостью по отношению к детям, но сдержанностью по отношению к супруге или наоборот. Попытка достичь баланса между строгостью и эмоциональностью воспринимается как непростая задача, требующая как осмысления, так и практики, и лишь некоторые отцы говорят о том, что у них получается найти баланс. Несмотря на разнообразие и как минимум три группы отцов, различаемых по степени эмоциональной открытости, явно прослеживаются установки на маскулинность в ее традиционном, устоявшемся виде. Респонденты переживают давление «социально одобряемых», «правильных», с их точки зрения, моделей, которые, как и их собственная отцовская позиция, могут входить в противоречие с их непосредственными переживаниями, поэтому также требуют рефлексии получаемого опыта.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что большинство респондентов выразили убеждение в том, что с проблемой «отсутствующего отцовства» необходимо бороться, не столько «вынуждая» отцов становиться более внимательными по отношению к своим детям, сколько «вдохновляя» их выстраивать плодотворные и эмоционально глубокие отношения с ними, «пробуждая» в них вовлеченность. Практически все опрошенные отцы считают, что трансформация отцовских практик – это сложный процесс, базирующийся на трех ключевых основаниях: желании самого отца, поддержке

окружения (жены, специалистов) и общественных изменениях (государственная политика, образование, культурная пропаганда).

Респонденты также высказывали представление о том, что до людей, вступающих в семейные отношения, жизненно важно суметь донести идею о том, насколько необходима в семье постоянная работа над собой, формирование таких личностных качеств, как терпение, эмпатия, самоанализ, умение быть гибким, ответственность, коммуникативность. Важными являются также самообразование в сфере детской психологии, повышение уровня собственной педагогической компетентности, способность и решимость принять мир «другого», дарить любовь и получать ее в ответ. Кроме того, респонденты настаивали на важности конкретного комплекса практических действий внутри семьи. Это «*посвящение качественного времени ребенку*», «*активное участие в его жизни*», «*передача опыта*», «*живое общение*», «*праздники и традиции*» (из интервью). При этом значимой остается материальная сторона существования семьи. Ни одна семья не может развиваться в ситуации отсутствия материальной стабильности, и решение материальных вопросов, по мнению респондентов, отрывает как отца, так и мать от родительства.

Респонденты указывают также на то, что большую роль в формировании положительных практик отцовства играют семейные связи. Чем обширнее и плотнее родственные связи, тем крепче семейные отношения, поддерживаемые близким окружением, усиленные неформальными образцами поведения.

В целом исследование демонстрирует, что отцовство как важное явление общества должно быть «пересобрано» («переизобретено») и осмысленно как самими отцами, в силу объективной ответственности и необходимости реальных повседневных действий, так и на уровне социума в целом, включая образовательные и властные структуры, культурные институты. Один из респондентов (отец в бракоразводном процессе, 37 л.) вспоминал советские фильмы, которые как «*некоторый монолит транслировали позитивные ценности*» (из фокус-группового интервью). Эти фильмы, с его точки зрения, формировали правильное отношение людей к семье, прививали чувство ответственности за близких людей, за коллектив в то время, как современная яркая, но хаотичная и разобщенная масса абсолютно разных материалов в массмедиа транслирует противоречивые и далеко не всегда позитивные модели поведения в семье.

Исследование также продемонстрировало важность для отцов разнообразных мер государственной поддержки, включая образовательные инициативы на всех уровнях, формирование позитивного образа отца в массмедиа, социальной работы со стереотипами и особенно с негативными. Чрезвычайно значимой является и поддержка инициатив НКО и иных объединений, работающих в данном направлении и способных вести просветительскую работу, оказывать адресную помощь молодым отцам и их семьям, формирование и масштабирование отцовских сообществ и клубов.

Хотелось бы отметить, что отцы, которые поделились с нами собственной «картиной мира», в большинстве своем действительно находятся в состоянии постоянного осмысления своей новой или уже устоявшейся роли. Мы по этой причине сознательно уходили от взаимодействия с «плохими» отцами, которым тяжело воспринимать родительство в силу их алкогольной или наркотической аддикции, склонности к девиации и пр. Данная категория

изучена в большей степени, представляет собой иную сторону проблем отцовства и вызывает интерес у профессиональных сообществ, органов власти, пенитенциарных систем. «Изобретение отцовства» – это феномен современности, который осмысливается только в некоторых кругах научного сообщества, но при этом ежедневно проживается в опыте значительного количества семей в нашем обществе. Это творческий и ответственный процесс и порой крайне сложный и зажатый как внешними рамками (культура, институты, СМИ, семья), так и внутренними (психические особенности и проблемы, модели поведения, навыки, стереотипы и т.д.). При этом данный процесс, без всякого сомнения, находится в мощнейшей динамике и, по всей видимости, в ближайшее время его последствия станут еще более явными. «Мужество любить» воспринимается в этом контексте как нечто желаемое самими отцами, к чему они на данный момент стремятся, пытаясь осмыслить и реализовать это важное, сокровенное и труднодостижимое измерение своей отцовской идентичности.

Список источников

1. *Мальшиев А.Г.* Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 4. С. 177–207. doi: 10.31119/jssa.2022.25.4.7
2. *Клецина И.С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3 (52). С. 29–41.
3. *Кон И.С.* Ребенок и общество: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2003.
4. *Кузьмина Л.М.* Социология семьи и отцовства // Наука и школа. 2018. № 5. С. 204–207.
5. *Ремнева Н.С.* Перспективы развития региональной семейной политики в отношении отцовства как социального института // Ответственное отцовство: миф или реальность? : сб. ст. / под общ. ред. М.А. Костенко, Н.С. Жабиной. Барнаул : Мужской разговор, 2002. С. 13–14.
6. *Ильдарханова Ч.И., Калачикова О.Н.* Концептуализация понятия «генеративное поведение мужчин»: методологические возможности гендерного подхода // Казанский экономический вестник. 2019. № 5 (43). С. 77–84.
7. *Рожественская Е.Ю.* Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185. doi: 10.14515/monitoring.2020.5.1676
8. *Бадентэр Э.* Мужская сущность. М. : Новости, 1995.
9. *Хитрук Е.Б.* «Рождение мужчины» в западноевропейской философской традиции: эссенциализм, антиэссенциализм и отцовская революция. М. : ООО «Директ-Медиа», 2024. doi: 10.23681/717374
10. *Хитрук Е.Б., Быков Р.А.* Теоретико-методологические основания исследования отцовства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 165–180. doi: 10.17223/1998863X/79/15
11. *Хитрук Е.Б., Быков Р.А.* Отцовство Божественное и отцовство человеческое: социально-философские основания «отцовской революции» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 152–164. doi: 10.17223/1998863X/81/14
12. *Ваттимо Дж.* После христианства. М. : Три квадрата, 2007.
13. *Рорти Р.* Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4 (67). С. 111–119.
14. *Бурдые П.* Мужское господство / Бурдые Пьер. Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 286–365.
15. *Хитрук Е.Б.* Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 54–59.
16. *Lamb M.E., Pleck J.H., Charnov E.L., Levine J.A.* Paternal behavior in humans // American Zoologist. 1985. № 25. P. 883–894.
17. *Pleck J.H., Lamb M.E., Levine J.A.* Facilitating future change in men's family roles // Marriage and Family Review. 1985. № 9 (3–4). P. 11–16.

18. *Pleck J.H.* American Fatherhood: A Historical Perspective // *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. Newbury Park, CA : Sage, 1987. P. 83–97.
19. *Pleck J.H.* Integrating Father Involvement in Parenting Research // *Parenting: Science and Practice*. 2012. № 12:2-3. P. 243–253.
20. *Pleck J.H.* Paternal involvement: Revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes // *The role of the father in child development*. 2010. P. 67–107.
21. *Elliott K.* Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept // *Men and Masculinities*. 2015. Vol. 19, № 3. P. 240–259.
22. *Macht A.* *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford : Palgrave Macmillan, 2020. 194 p.
23. *Безрукова О.Н.* Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // *Вестник СПбГУ. Серия 12: Социология*. 2012. № 3. С. 266–275.
24. *Шевченко И.О.* Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2010. № 3 (46). С. 278–286.
25. *Звонарева А.Е.* Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2019. № 2 (54). С. 127–134.
26. *Кон И.С.* *Мужчина в меняющемся мире*. М. : Время, 2009.
27. *Рождественская Е.Ю.* Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 75–89.
28. *Борисенко Ю.В.* Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Психология. 2018. Т. 24. С. 23–33. doi: 10.26516/2304-1226.2018.24.23
29. *Янак А.Л.* Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. № 2 (50). С. 124–131.
30. *Подкладова Т.Д.* Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. исключенность // *Вестник Томского государственного университета*. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 107–112. doi: 10.17223/1998863X/33/11
31. *Безрукова О.Н., Самойлова В.А.* Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 94–106. doi: 10.31857/S013216250016969-8
32. *Безрукова О.Н., Самойлова В.А.* «Папы по любви» и «папы поневоле», или Почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // *Социологические исследования*. 2019. № 7. С. 90–101. doi: 10.31857/S013216250005796-8
33. *Шевченко И.О.* Тенденции и противоречия в развитии института отцовства в современной России // *III Всероссийский демографический форум с международным участием : материалы форума*, Москва, 3–4 декабря 2021 года. М. : Федеральный науч.-исслед. социол. центр РАН, 2021. С. 117–120.

References

1. Malyshev, A.G. (2022) The Infrastructure of Support for Involved Fatherhood. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 25(4). pp. 177–207. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2022.25.4.7
2. Kletsina, I.S. (2009) Otsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniyu maskulinnosti [Fatherhood in Analytical Approaches to the Study of Masculinity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 3(52). pp. 29–41.
3. Kon, I.S. (2003) *Rebenok i obshchestvo* [Child and Society]. Moscow: Akademiya.
4. Kuzmina, L.M. (2018) Sotsiologiya sem'i i otsovstva [Sociology of Family and Fatherhood]. *Nauka i shkola*. 5. pp. 204–207.
5. Remneva, N.S. (2002) Perspektivy razvitiya regional'noy semeynoy politiki v otnoshenii otsovstva kak sotsial'nogo instituta [Prospects for the Development of Regional Family Policy Regarding Fatherhood as a Social Institution]. In: Kostenko, M.A. & Zhabina, N.S. (eds) *Otvetstvennoe otsovstvo: mif ili real'nost'?* [Responsible Fatherhood: Myth or Reality?]. Barnaul: Muzhskoy razgovor. pp. 13–14.
6. Ildarkhanova, C.I. & Kalachikova, O.N. (2019) Kontseptualizatsiya ponyatiya “generativnoe povedenie muzhchin”: metodologicheskie vozmozhnosti gendernogo podkhoda [Conceptualization of

the Concept of “Male Generative Behavior”: Methodological Possibilities of the Gender Approach]. *Kazanskii ekonomicheskii vestnik*. 5(43). pp. 77–84.

7. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2020) Vovlechennoe otstvo, zabolivaya maskulinnost' [Involved Fatherhood, Caring Masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 5. pp. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676

8. Badenter, E. (1995) *Muzhskaya sushchnost'* [Male Identity]. Translated from English. Moscow: Novosti.

9. Khitruk, E.B. (2024) “Rozhdenie muzhchiny” v zapadnoevropeyskoy filosofskoy traditsii: es-sentsializm, antiessentsializm i otsovskaya revolyutsiya [“The Birth of a Man” in the Western European Philosophical Tradition: Essentialism, Anti-Essentialism, and the Paternal Revolution]. Moscow: OOO Direct-Media. DOI: 10.23681/717374

10. Khitruk, E.B. & Bykov, R.A. (2024a) Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Fatherhood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 165–180. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/79/15.

11. Khitruk, E.B. & Bykov, R.A. (2024b) Divine Fatherhood and Human Fatherhood: Socio-Philosophical Foundations of the “Paternal Revolution”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 152–164. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/81/14

12. Vattimo, G. (2007) *Posle khristianstva* [After Christianity]. Translated from Italian. Moscow: Tri kvadrat.

13. Rorty, R. (2008) Antiklerikalizm i ateizm [Anticlericalism and Atheism]. *Logos*. 4(67). pp. 111–119.

14. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Translated from French. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 286–365.

15. Khitruk, E.B. (2013) Filosofskie predposylki formirovaniya fenomena “otstvuyushchiy otets” v sovremennoy kul'ture [Philosophical Preconditions in Formation of the “Missing Father” phenomenon in Modern Culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 368. pp. 54–59.

16. Lamb, M.E., Pleck, J.H., Charnov, E.L. & Levine, J.A. (1985) Paternal behavior in humans. *American Zoologist*. 25. pp. 883–894.

17. Pleck, J.H., Lamb, M.E. & Levine, J.A. (1985) Facilitating future change in men's family roles. *Marriage and Family Review*. 9(3–4). pp. 11–16.

18. Pleck, J.H. (1987) American Fatherhood: A Historical Perspective. In: Kimmel, M.S. (ed.) *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. Newbury Park, CA: Sage. pp. 83–97.

19. Pleck, J.H. (2012) Integrating Father Involvement in Parenting Research. *Parenting: Science and Practice*. 12(2–3). pp. 243–253.

20. Pleck, J.H. (2010) Paternal involvement: Revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes. In: Lamb, M.E. (ed.) *The Role of the Father in Child Development*. Wiley. pp. 67–107.

21. Elliott, K. (2015) Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept. *Men and Masculinities*. 19(3). pp. 240–259.

22. Macht, A. (2020) *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford. Palgrave Macmillan.

23. Bezrukova, O.N. (2012) Praktiki otvetstvennogo otstvo: “Papa-shkola” i sotsial'nyy kapital [Practice of responsible fatherhood: “Daddy-School” and social capital]. In: *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*. 3. pp. 266–275.

24. Shevchenko, I.O. (2010) Institut otstvo: aktual'nye problemy v pole sotsiologicheskikh issledovaniy [Fatherhood: Actual Problems of Sociological Researches]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie*. 3(46). pp. 278–286.

25. Zvonareva, A.E. (2019) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya otsovskikh praktik [Theoretical and Methodological Foundations of Research into of Paternity Practices]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2(54). pp. 127–134.

26. Kon, I.S. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in a Changing World]. Moscow: Vremya.

27. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2010) Otstvo: liberal'nyy trend ot “otsa” k “pape”? [Fatherhood: A Liberal Trend from “Father” to “Daddy”?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 75–89.

28. Borisenko, Yu.V. (2018) Osobennosti tsennostnogo otnosheniya k ottovstvu detey вовлеченных и невовлеченных отцов [Specificity of Value Attitude towards Paternity of Children of engaged and non-engaged Fathers]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. 24. pp. 23–33. DOI: 10.26516/2304-1226.2018.24.23.

29. Yanak, A.L. (2018) Ottovskaya вовлеченность в sem'yakh razlichnykh tipov [Father involvement in different types of families]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2(50). pp. 124–131.

30. Podkladova, T.D. (2016) The Manfather in the Family and in the Society: Involvement vs. exclusion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(33). pp. 107–112. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/33/11

31. Bezrukova, O.N. & Samoilo, V.A. (2022) Fatherhood in modern Russia: meanings, values, practices and intergenerational translation. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 94–106. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250016969-8

32. Bezrukova, O.N. & Samoilo, V.A. (2019) “Eager dads” and “dads against their will”, or Why Russian dads are reluctant to go on parental leave? *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 90–101. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250005796-8

33. Shevchenko, I.O. (2021) Tendentsii i protivorechiya v razvitiy instituta ottovstva v sovremennoy Rossii [Trends and contradictions in the development of the institution of fatherhood in modern Russia]. *III Vserossiyskiy demograficheskiy forum s mezhdunarodnym uchastiem [The Third All-Russian Demographic Forum with International Participation]*. Moscow, December 3–4, 2021. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. pp. 117–120.

Сведения об авторах:

Хитрук Е.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, ведущий научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Быков Р.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, старший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Khitruk E.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Leading Researcher of the Laboratory of Transdisciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Bykov R.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Sociology, senior researcher at the Laboratory of Transdisciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 30.06.2025
The article was submitted 20.02.2025;
approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*